

ВОКРУГ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой с дочерью Т. Л. Сухотиной. 1910 г.

СТАРШАЯ дочь Л. Н. Толстого — Татьяна Львовна, в замужестве Сухотина, была одним из самых близких к нему людей — близких не только по родственной связи, но и по духу, по глубокому пониманию его творчества, по искреннему сочувствию его взглядам. Беспредельно преданная отцу, она в течение многих лет помогала ему в писательском труде и общественной деятельности. Вот почему современники Толстого, его друзья и близкие относились к ней с особенным уважением.

Тесному общению Т. Л. Толстой с видными деятелями ее времени способствовало и то, что она сама была от природы щедро одарена — писала повести, рассказы, драмы, отличаясь рисовала, создала превосходную галерею портретов отца, активно участвовала как автор и редактор в деятельности поддерживаемого Толстым народного издательства «Посредник», а под конец жизни написала замечательные по своей глубине и достоверности мемуары об отце.

После смерти Толстого его друзья и читатели справедливо видели в старшей дочери верную хранительницу его наследия, продолжательницу его общественных начинаний. Отсюда и глубоко уважительное отношение к ней выдающихся деятелей русской и мировой культуры, таких, как А. М. Горький, В. Т. Короленко, И. А. Бунин, А. И. Куприн, Ф. И. Шаляпин, В. В. Вересаев, И. Е. Репин, Н. Н. Ге, Н. А. Касаткина, М. В. Неестеров, К. С. Станиславский, В. И. Качалов, М. И. Цветаева, Ромен Роллан, М. К. Ганди, Андре Моруа, и многих других. Незначительная часть ее переписки с ними, в частности переписки с Репиным и Ге, опубликована. Но вот перед нами пожелтевшие листки других — неизвестных писем к ней, и они наглядно показывают, сколь велик был авторитет Толстого, сколь широко были его связи с деятелями культуры в России и во всем мире.

С Д. В. ГРИГОРОВИЧЕМ Толстой дружил в молодые годы и очень высоко ценил его повести «Антон-Горемыка», «Пахарь», роман «Переселенцы» и др.

Однако Толстому редко доводилось лично встречаться с ним. С тем большей радостью он воспользовался случаем — поездкой своей дочери Татьяны Львовны в мае 1899 года для лечения в Вену, где тогда лечился и Григорович, чтобы передать ему теплый, дружеский привет. Неопубликованное письмо Григоровича к Татьяне Львовне, которую он на чужбине по-отечески опекал, говорит о том, что его была дружба с Толстым с годами не иссякала. Вспоминая после отъезда Татьяны Львовны из Вены ее рассказы о напряженной тогда работе Толстого над романом «Воскресение», новые главы которого прямо из-под пера шли в типографию и печатались в «Ниве», Григорович пишет ей 7 августа 1899 года:

«Много раз в день переносил мысленно к гр. Льву Николаевичу — в какое положение он себя поставил! Чем дальше, тем труднее будет ему писать благодаря нарастающей несправедливости; вынужденная работа на срок, без отдыха, требующая по-

стоянного умственного напряжения, не может не отразиться на здоровье Вашего отца, особенно в его годы».

Одобрительно отозвавшись об уже опубликованных главах романа, Григорович вновь и вновь тревожится о здоровье Толстого. «Но главное — в постоянном умственном напряжении отца — вот что беспокоит всех, кто его ценит и любит».

Сам Григорович был в это время неизлечимо болен. «Он очень с нами мил и скоро умрет, бедный», — с горечью сообщала Татьяна Львовна отцу из Вены. Действительно, через полгода, 22 декабря 1899 года, Григоровича не стало. Публикуемое письмо — последнее из его писем в Ясную Поляну.

СВОИМ СТАРЫМ другом своего отца, известным судебным деятелем, сенатором А. Ф. Кони Татьяна Львовна многократно встречалась в Ясной Поляне и в Петербурге. Именно он, как известно, «уступил» Толстому сюжет «Воскресения», вырванный из одного случая в его богатой судебной практике.

А. Ф. Кони находился в дружеской переписке с Толстым, и тот время от времени сообщал ему о ходе работы над «коневской повестью». Так, 26 августа 1895 года Толстой сообщал ему: «Пишу я, правда, тот сюжет, который вы рассказывали мне, но я так никогда не знаю, что выйдет из того, что я пишу, и куда оно меня заведет, что я теперь сам не знаю, что я пишу теперь».

Вероятно, не полностью удовлетворенный этим туманным сообщением, Кони пытался через Татьяну Львовну более обстоятельно узнать о ходе работы над романом. Этим и было вызвано его письмо к ней от 30 октября 1895 года.

«Не можете себе представить, — писал он, — с каким живым нетерпением и интересом жду я окончания новой повести Льва Николаевича, мысль о которой зародилась во время незабвенного для меня пребывания в Ясной Поляне восемь лет назад». И далее: «Мне чрезвычайно хотелось бы иметь наслаждение прочесть эту вещь с двумя-тремя близкими лицами прежде, чем она появится в печати, и прежде, чем за нее примутся неумные руки наших критиков, с их близоруким разбором или пышными фразами».

В другом, позднейшем письме — от 27 декабря 1903 года, говоря о своем желании приехать в Ясную Поляну и обнять ее обитателей, Кони пишет:

«Я жажду их видеть, жажду говорить с Львом Николаевичем и очистить его присутствием душу «от всякой скверны» — вольной и невольной. Каждая встреча с ним дает мне бодрости на несколько лет».

Л. Н. Толстой всегда был рад приездам А. Ф. Кони. Так было и сейчас. 1 апреля 1904 года Кони приехал в Ясную Поляну и был, как всегда, принят со всем радушием. Это посещение он впоследствии описал в одной из глав своих широко известных мемуаров «На жизненном пути», посвященной его дружбе с Л. Н. Толстым.

ИМЯ В. В. ВЕРЕСАЕВА было хорошо знакомо Толстому. В 1902 году он прочитал его повесть «Конец Андрея Ивановича» и оце-

Неизвестные материалы

из архива

Т. Л. Сухотиной - Толстой

Год назад «Литературная газета» уже сообщала о щедром даре внучки Л. Н. Толстого Т. М. Альбертины-Сухотиной, переславшей из Италии на родину значительную часть обширного заграничного архива ее матери — Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой (см. «ЛГ», № 36 от 3 сентября 1975 г.). Мы рады сообщить, что пересылка его драгоценных материалов в Москву, в Государственный музей Л. Н. Толстого, продолжается. Их число уже превысило 2200 единиц — писем, книг, дневников, семейных фотографий, неопубликованных мемуаров и других историко-литературных документов.

Заграничный архив Т. Л. Сухотиной-Толстой, прожившей за рубежом последние 25 лет своей жизни, существенно дополняет богатое собрание ее документов, хранящихся в Москве, в архиве Л. Н. Толстого, и охватывающих 60 лет ее жизни в России. В целом этот архив — богатейший источник сведений о жизни и творчестве Толстого, о Ясной Поляне, о семье писателя и его окружении.

Сегодня мы продолжаем знакомить читателей с неизвестными материалами из архива Т. Л. Сухотиной-Толстой.

нил ее в дневнике: «Очень хорошо». В последующие годы Толстой с интересом читал почти все появившиеся произведения Вересаева и находил, что у него «тургеневский стиль».

Поводом для переписки Вересаева с Т. Л. Толстой были, однако, не его повести и рассказы, а желание семьи Толстых в 1902 году пригласить его в Крым в качестве врача к тяжело большему Льву Николаевичу. Эту мысль, вероятно, подал навещавший Толстого в Крыму А. П. Чехов, высоко ценивший Вересаева как «врача». Татьяна Львовна немедленно написала Вересаеву в Милан, где он тогда находился, и получила следующий ответ: «Я был бы очень рад быть хоть чем-нибудь полезным Льву Николаевичу, но дело в том, что врач я очень плохой и в настоящее время совсем бросил практиковать. При таких условиях брать на себя ответственность за такую дорогую жизнь, как жизнь Льва Николаевича, было бы с моей стороны дерзостью, на которую я никак не могу решиться».

В. В. Вересаев, как и люди во всем мире, с тревогой следил тогда за сообщениями в газетах о болезни Толстого, находившегося между жизнью и смертью. В это время у него уже зрел замысел большой критико-философской работы «Жизнь жизни» — о Толстом и Достоевском, выполненной им позднее. Т. Л. Толстая впоследствии оказала ему в этой работе большую помощь. Их дружба продолжалась до ее отъезда в 1925 году за границу.

ИЗ ДРУГИХ современных русских литераторов Т. Л. Толстая находилась в переписке с А. П. Чеховым, Н. Н. Страховым, П. Д. Боборыкиным, С. Т. Семеновым, А. С. Сувориным, М. О. Меньшиковым и многими другими. Наиболее интересна из них ее переписка с А. П. Чеховым — она свидетельствует об их глубокой симпатии друг к другу. Т. Л. Толстая, по поручению отца и всей семьи, не раз приглашала Чехова в Ясную Поляну, просила: «если у Вас есть конченное что-нибудь, — не привезете ли прочесть нам» (письмо от 20 августа 1896 года). В ответном письме от 9 ноября 1896 года Чехов с горечью сообщил о провале своей «Чайки», писал, что имел намерение привезти в Ясную Поляну только что законченную повесть «Моя жизнь», но она столь жестоко изуродована цензурой, что он чувствует к ней отвращение. В заключение Чехов горячо благодарил Татьяну Львовну за доброе отношение к нему, «которое, верьте мне, я ценю выше, чем могу выразить это на словах».

23 апреля 1899 года Чехов обедал у Толстых в Москве, в Хамовниках, а Татьяна Львовна в этот день навестила его сестру Марию Павловну, с которой очень подружилась. Эта дружба продолжалась долгие годы.

Письма других писателей к Татьяне Львовне также посвящены главным образом ее отцу. В центре всех писем — Толстой, его новые произведения, его участие в современных событиях. Многие из писателей шлют ей свои книги в надежде, что они попадут в руки отца и он откликнется на них. В последние годы Татьяна Львовна служила как бы связующим звеном между престарелым Толстым и его более молодыми современниками-писателями.

БОЛЬШАЯ дружба связывала Т. Л. Толстую с деятелями искусства — художниками, актерами, режиссерами, музыкантами и первыми русскими кинематографистами. Ее переписка с ними составляет значительную часть

неопубликованного архива.

В. В. Стасов был частым гостем Толстого в Москве и в Ясной Поляне. Взаимное благорасположение связывало его и с семьей писателя, в частности с Т. Л. Толстой. В своих девяти письмах к ней Стасов делится впечатлениями от прочитанных произведений «Льва Великого», хлопочет, чтобы образ Толстого был запечатлен крупнейшими художниками на холсте, в бронзе, на экране, неизменно рвется на свидание

с ним. Вот два еще не опубликованных его письма:

«СПб. Вторник 19 марта 96 г.

Очень многоуважаемая графиня Татьяна Львовна, я собрался поехать в Москву в начале Пасхи, т. е. выехать из Петербурга в понедельник вечером 25 марта и, значит, приехать в «Славянский базар» на другое утро, 26-го. Если Вашему батюшке Льву-Великому свободно и можно пожертвовать мне по часику или по два вечера вторника, среды и четверга, я так и совершу эту поездку... Если же нельзя или не свободно ему, я Вас очень попрошу черкнуть мне заранее пару слов, и я останусь в Петербурге, отложив поездку свою маленькую до другого раза».

Желанием побывать у Толстого проникнуто и второе письмо Стасова — от 12 августа 1896 года. «Вас самих что ни есть торопях скажу Вам, — пишет он Татьяне Львовне, — что еду, еду к Вам с первых чисел сентября, только докончу одну работу, которую непременно должен кончить в типографии... А уж как мне к Вам-то хочется, к Вашему большому батюшке! Из Ваших слов я могу заключить, что он теперь будет или есть свободен — вот и попробую поехать в ту развороченную где-то дяди дверь, из которой ко мне светит светлый огонек».

Оба раза Стасов немедленно получал приглашение и дважды в этом году гостил у Толстых.

В ПЕРЕПИСКЕ с Татьяной Львовной находились крупнейшие художники России. Все они были друзьями или близкими знакомыми Толстого, но Татьяну Львовну связывала с ними и общая их причастность к изобразительному искусству. Т. Л. Толстая в юности занималась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

Обширная переписка Т. Л. Толстой с И. Е. Репиным и Н. Н. Ге частично издана. Но еще ждут своей публикации письма к ней многих других выдающихся русских художников. Таковы, например, 16 писем Н. А. Касаткина, посвященные их пребыванию в художественном училище, совместной работе в издательстве «Посредник», где Татьяна Львовна заведовала иллюстрационным отделом, а также о серии японских этюдов, над которыми Касаткин работал в 1894 году. Не опубликована переписка Татьяны Львовны с В. Г. Перовым, В. А. Серовым, Н. А. Ярошенко, Л. О. Пастернаком, И. М. Прянишниковым, С. А. Коровиным, В. Н. Мешковым, И. Я. Гинзбург, И. Э. Грабарем и другими выдающимися художниками.

Ждет своей публикации и переписка Татьяны Львовны с музыкантами — С. И.

Танеевым, К. Н. Игумновым, А. Б. Гольденвейзером, а также с многими друзьями и единомышленниками отца — В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым, В. Ф. Булгаковым, Н. Н. Гусевым и многими другими.

Тесными были связи Татьяны Львовны с деятелями театра. В ее архиве — письма В. И. Немировича-Данченко, В. И. Качалова, М. Н. Ермоловой, Е. Б. Вахтангова, Л. А. Сулержицкого и других. Приведем два из них.

Режиссер МХАТа, бывший соученик Татьяны Львовны по училищу живописи Л. А. Сулержицкий пишет ей в 1911 году в связи с готовящейся первой постановкой «Живого трупа» в МХАТе:

«Я все вспоминаю Льва Николаевича и никак не могу примириться с мыслью, что он мог бы еще долго, долго прожить. Читал на днях «Труп» — это одна из самых изумительных пьес, какие когда-то были написаны. Мы все в бесконечном восхищении. Дай только бог найти манеру играть ее. Я знаю, Вы думаете, именно надо ее играть без всякой манеры, но в нашем деле это и есть самая трудная манера. Я так счастлив, что пьеса в нашем театре, что ее касаются любящими, осторожными руками».

Как известно, спектакль «Живой труп», поставленный К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, с И. М. Москвиным в главной роли, оказался огромной творческой победой МХАТа.

Среди других посланий людей искусства к Татьяне Львовне достойны упоминания письма одного из пер-

вых русских кинематографистов А. И. Дранкова, относящихся к заре русской кинематографии. Из них мы узнаем, что Татьяна Львовна тайно от отца, чуждавшегося всякой шумихи, помогла Дранкову запечатлеть образ Толстого в кино. Оказывается, что именно ей и В. В. Стасову мы обязаны теми волнующими кадрами, которые дошли до наших дней и позволяют нам увидеть на экране живого Толстого. В «Сговоре» с Дранковым она в 1910 году организовала «неожиданный» приезд кинематографистов в имение своего мужа Кочеты, где тогда гостил Толстой, и писатель, вежливости ради, не смог отказать приехавшим в их горячей просьбе «подвигаться» перед камерой. Она же настояла перед Дранковым на том, чтобы наряду с именем Кочеты и усадьбой Ясная Поляна были бы засняты на пленку деревня Ясная Поляна и ее обитатели — крестьяне, среди которых прошла жизнь великого писателя.

ИЗ ПИСЕМ зарубежных писателей к Т. Л. Толстой приведем лишь неизвестное письмо Романа Роллана — его отклик на вышедшую в свет в Париже в 1928 году ее книгу воспоминаний об уходе и смерти отца. Весь мир готовился в тот год отметить столетие со дня рождения Толстого. Письмо Роллана — исповедь о том, как много значил в его судьбе Толстой, какое большое место он продолжает занимать в духовном мире французского писателя.

«Дорогой друг! — пишет Роллан 23 июля 1928 года. — Я только что прочитал и перечитал Ваши прекрасные страницы, простые, правдивые, полные человеческого понимания и любви — о смерти Вашего отца, и хочу сказать Вам, как они мне полюбились, как мы были ими взволнованы, моя сестра и я. Наши мысли идут навстречу Вашим в эти дни благоговейных воспоминаний. Как мне странно, что я никогда не видел Вашего отца! Всегда, начиная с моей молодости, он был для меня присутствующим и живым — больше, чем все живые. Теперь, по мере того, как старею, я еще больше сожалею, что не могу поговорить с ним. Когда я был молод, я бы на это не осмелился, я мало что мог дать ему. А теперь... теперь... о, как мне его не хватает! В нынешней Европе — нравственно — столь ограниченной — есть у меня слова, которые я мог бы сказать только ему. И я говорю их ему» (перевод Т. М. Альбертины-Сухотиной).

Изучение архива Т. Л. Сухотиной-Толстой продолжается.

А. И. ШИФМАН,
доктор
филологических наук

